

Артемий
Люгер

БЫТЬ КИЛЛЕРОМ

Молодой парень, вернувшийся из Афганистана, после долгих поисков подходящей работы, по совету бывшего однополчанина становится киллером. Через некоторое время он убеждается, что работает на организацию, возглавляемую отставными генералами КГБ. После выполнения многочисленных заданий организации в разных странах мира, ему становится понятно, что следующий кандидат на уничтожение — он сам. С помощью любовницы — жены своего очередного начальника — он предпринимает попытку бегства, но преданный своей бывшей подругой, оказывается в руках преследователей...

Артемий Люгер

БЫТЬ КИЛЛЕРОМ

ГЛАВА 1

Я — киллер. Сегодня даже дети знают это слово, но если бы мне десять лет назад сказали, что я стану киллером, я бы без разговоров набил сказавшему морду. А может быть, и не набил бы. А просто рассмеялся: чушь какая-то и всё. И мои родители — папа, законопослушный советский инженер, и мама — библиотекарь со стажем, тоже, думаю, посмеялись бы, если бы, конечно, поняли, что означает это слово. И Нина Николаевна, мой классный руководитель в старших классах, прореагировала бы точно так же.

Учился я ни шатко, ни валко, но она меня любила. — Ты, — говорила она, — лентяй, каких мало, но душа у тебя хорошая, добрая и справедливая, можно сказать, советская у тебя душа.

Вот в последнем пункте она явно была права: был во мне этот кретинский, как я сейчас понимаю, советский душок. Благодаря ему я и от армии отмазываться не стал, хотя возможность, благодаря одному отцовскому закадычному дружку, была. И в Афган, как только сказали про защиту нашей

советской родины от происков империалистов, вызвался одним из первых. Одним из первых и взяли, поскольку в приписных моих документах значилось, что я кандидат в мастера спорта по стрельбе. Надо сказать, что спорт в юности волновал меня мало, но в нашем классе все парни занимались каким-нибудь видом: от лёгкой атлетики и карате до футбола и баскетбола. Бегать за мячом или — как в лёгкой атлетике — просто так я считал занятием глупым, а чтобы тебе с твоего согласия били морду — и вовсе идиотизмом. А вот стоять на месте, а то и удобно лежать на мате, прижимая к себе удобную подружку — винтовку, это меня устраивало. К моему удивлению, стрельба у меня пошла. Без тренировки выбил норматив второго взрослого разряда, а потом за меня взялся тренер Василий Степанович, сибиряк и дуб дубом, но дело своё знавший тонко. Так что под его неусыпным руководством я сделал и первый, и норму кандидата в мастера.

— Точняк, — говорил он, — прямо белке в глаз.

Афган, конечно, разочаровал быстро. Розовая дымка исчезла первой, а для того, что наступило потом, и чёрная краска казалась недостаточно чёрной. С ребятами я сошёлся легко, а вот с командирами, в особенности из вчерашних солдат, оказалось не так просто. Некоторые сразу

надувались как пузыри. Заискивали перед офицерами и всячески выделялись, за наш, естественно, счёт. При этом все, кто имел отношение к довольствию, продавали его афганцам, нам оставались крохи. Не брезговали этим и офицеры. Я в первые дни спросил у «деда», почему это рядом с любым жильём обязательно крутятся собаки, а вокруг нашей казармы тишина, никто не твякает. — Так съели, — сказал он спокойно. Послужишь полгода, и ты, салабон, будешь жрать всё, что бегаёт и лаёт.

Очень скоро я понял, что патриотизму здесь не научишься, скорее наоборот. Всё, что писали газеты в Союзе, оказалось сплошным враньём, за Родину тут никто кровь проливать не собирался. Одни служили за звёздочки, другие — за чины, а третьи — и среди них все женщины — за талоны, на которые можно было много чего купить, вырвавшись из этого грёбаного Афгана. Вырвавшись, то есть уехав. Уехав, разумеется, живым, а не в качестве «груза 200», то есть в свинцовом гробу. Какую-то помощь Афганистану мы, конечно, оказывали: страна бедная, жратвы мало, народу много: вот эту проблему мы и решали, по возможности уменьшая число едоков. Уменьшали всякими способами, и гуманных среди них, могу сказать честно, было немного. Так что в бой из наших рвались немногие, разве только те,

что на днях прибыли и ещё ничего не успели понять. Единственные операции, на которые все шли с удовольствием, были операции специфического, так сказать, характера. Когда в расположении части появлялась группа незнакомых офицеров, а наши начинали чистить сапоги и передвигаться на цыпочках — мы понимали, что к нам прислали очередного начальственного сынка. Значит, вот-вот будет операция по взятию давно оставленного кишлака, с привлечением немалых войск и десятка «вертушек». После обязательной победы, вышеупомянутый сынок получал на грудь орден, а на погоны звёздочку, а нам подбрасывали по сто грамм... а иногда и не подбрасывали.

Короче говоря, через полгода службы, когда вызывали добровольцев, я делал шаг назад, а если нельзя было отвертеться, стрелял, конечно, из своей снайперской, и стрелял, как правило, метко. Зацепило меня дважды: один раз осколком в мякоть ноги над коленом, а второй — пуля прошла между рёбрами, не причинив особого вреда, скорее некоторую приятность — за те четыре дня, что полежал в санчасти, сумел соблазнить Валечку, симпатичную медсестру, при виде которой слюни текли у всех без исключения офицеров. О солдатах я и не говорю. Так что теперь благодаря моим ранам у меня есть железное право рвать на груди тельник и кричать страшным голосом: «Мы там

кровь мешками проливали, а вы тут...» Медаль, которой меня наградили, я не выкинул, а отдал родителям, пусть гордятся, а были у нас и такие, что в Таджикистане сразу меняли на водку, да и ту не всегда давали.

А Витькину, Виктора Белоусова, которому посмертно дали медаль, его земля Сашка Балабан сначала хотел выкинуть к чёртовой матери, а потом всё-таки положил ему в ящик «груза 200», сказав:

— Пусть его жена своему новому хахалю на жопу прицепит, чтобы во время траха напоминал ей о Витькином подвиге.

В том таджикском городке, куда нас поначалу вывели, была полная неразбериха: ни где поесть, ни где поспать, ни где купить билеты домой. Первое время спасались тем, что продавали всё, что можно, включая обмундирование, а как перевезли в Душанбе, столицу их сраную, стало в каком-то смысле легче, хотя в каком-то и тяжелее. Здесь уже была кое-как налаженная очередь за билетами и надежда уехать. Станным было другое: то, что какие-то группки местных мужиков в открытую предлагали продать оружие — и некоторые из наших продавали, понятное дело по дешёвке, а деньги тут же спускали на водку и наркоту, которой редкий из нас не баловался. Здесь же нам быстро объяснили, что звание защитника Родины здесь не катит, так что «Героев Афгана», слишком активно

пристававших к местным девушкам, били сильно, а некоторых очень сильно. Местные были спаяны, и меньше, чем втроём на одного, не нападали, а наши искали только, чем бы глаза залить, а до других им дела не было. Я понял, что надо сваливать, приобрёл у одного местного маленького пройдохи за двойную цену и кобуру от американского пистолета билет до Ленинграда и свалил из этого кипящего торжества интернационализма.

Родители, конечно, обрадовались, медаль повесили на видное место и не уставали её демонстрировать всем приходившим. Устраиваться на работу я не спешил, постоянной девушки не имел, так что времени было навалом — и я решил осмотреться и основательно подумать о том, как жить дальше.

Смешно сказать: в Ленинграде, где я родился и вырос, я первое время чувствовал себя как за границей, менее привычно, чем даже в Афгане. И дело было не в сотнях новёхоньких иномарок, которые я довольно скоро привык различать, а в том, например, что эти различия были, ну что ли как в армии — по чинам. Владелец Ауди видел в гробу владельца Хонды, а владелец Мерседеса видел в гробу вообще всех прочих, не говоря о пешеходах, которых вообще не считали за людей. Один раз я видел, как бритый амбал вылез из Джипа и послал в нокаут пешехода, недостаточно

быстро перешедшего дорогу перед его машиной. Дело происходило в оживлённом месте, но, судя по реакции прохожих, ситуация была привычной, можно сказать — обыденной. Я в машине, ты — без, значит — можно в харю. Десятки невиданных ранее казано, рестораны, где чашка кофе стоит как шикарный обед раньше, какие-то бутики, где невзрачное на мой взгляд платье тянет на годовую зарплату моих родителей — причём, обоих... Но главное было в другом: в новой атмосфере вместо ветерка или падающих листьев слышалось новое и постоянное шуршанье: деньги. Бабло, гринь, баксы, лавэ. Новые и не вполне понятные разговоры совсем молоденьких девчушек: «Вчера на тусняк Муська пришла в тряпке от Абдула из аула, Максик чуть не кончил в шампанское. Это ж надо!». Жирные мужики с отвисшими животами рядом с длинноногими красотками и четырьмя качками по бокам. И тут ещё родители: — Теперь такое время, нужно серьёзное образование и обязательно языки. Мы, конечно, не можем послать тебя а Оксфорд или в Гарвард, как Сатаровы или Березницкие, но наши ВУЗы, поверь, не хуже. Там, конечно, с языком легче, но этим ты можешь заняться сам, припомнишь школьный, если будет нужно — наймём репетитора.

Они наймут — отец в своей полумёртвой шарашке получает деньги раз в три месяца, а мама

— в пять, да её зарплаты и раньше-то только на транспорт и хватало. Но в основном я был с ними согласен: образование необходимо. Сила тоже что-то значит, но с ней только в «быки». Там, может, и можно нашинковать капусты или этого, бабла. Но настоящие деньги не у них. Вопрос только — где?

Короче, прогулки побоку. Вооружился старыми учебниками, узнал институтскую программу — глянулся мне финансово-экономический (как экономист буду зарабатывать, как финансист — грамотно распределять, и как солидный человек — тратить, естественно, с умом — на что хочу). И стал грызть гранит науки, как раньше даже нашим отличникам не снилось. Поступил довольно легко: и знаний хватило, да и медалька за Афган, по-видимому, сколько-то весила.

ГЛАВА 2

Парень я, как правильно говорила моя классная, ленивый, но сметливый. Учился легко. В пустую мою тогдашнюю голову лекции укладывались сразу, иногда дома заглянешь в конспект — и порядок. В студенческую среду тоже влился легко, старше многих был всего-то на два-три года. И хотя два-три — не десять, разница

между нами всё-таки была и различать её я стал довольно скоро. Как-то у них, у молодых, всё шло через деньги и деньгами всё определялось.

Карьера оценивалась не общественной значимостью (в космонавты, скажем, никто не рвался), а исключительно деньгами. Главное и единственное счастье в жизни — заколачивать миллионы, менять тачка, флэты (квартиры), яхты и, само собой, женщин. Похоже, что и у тех намерения были такие же, с небольшой поправкой по признаку пола. Я на морду парень довольно обычный, не Ален Делон, но фигура спортивная, подтянутая. Плечи широкие, таз узкий, волосы — я шатен — слегка вьются, так что вниманием женской половины группы обделён не был. Даже наша первая красавица Даша Милютинина нет-нет да поглядывала в мою сторону. С сексом у нас проблем не было: на праздничных вечеринках после танцев-обжиманцев главное было вовремя занять койку, пока её не заняли другие. На одной из них мы с Дашкой и сблизились. Протрахались мы с ней весь первый семестр, а после каникул, смотрю, она как-то глаза отводит и насчёт повстречаться — у неё то мама в больнице, то ещё что-нибудь. Всё я не мог просечь, в чём тут фишка, пока не увидел её выходящей из машины Алекса, богатого козелка из нашей группы. Выходит, значит, она, а за ней он — и прощальный поцелуй: одна его рука у неё на

груди, вторая — на заднице (ничего не скажешь — аппетитной). Я, естественно, в позу вставать не стал, дело её — с кем хочет, с тем и трахается, я один не останусь. Зато он, козёл недоношенный, решил на мне оттянуться.

— Не туда смотришь, — говорит, — таким тёлкам нужна, как минимум, Ауди и прикид от Версаче, а с полночным троллейбусом и штанцами из универмага — это к лимите. Усёк?

Плевал бы я на его слова, но сказано это было с наглой ухмылкой, а главное, в курилке, где торчало несколько наших.

— Усёк! — сказал я коротко, а после занятий, когда он прохаживался возле своей тачки, ожидая мою бывшую подружку, оттеснил немного в сторону и не слишком заметно для посторонних врезал раз по печени и раз по наглой роже.

— Ладно, — сказал он, лёжа, не рискуя встать, чтобы не нарваться на третий, — придётся тебе кое-что объяснить.

Слушать его я не стал и пошёл, насвистывая, к своему автобусу. Скоро оказалось, что молокососа я недооценил, а сказать точнее, не просёк правильно ситуацию. Свою ошибку я понял через пару дней, когда вечером у моего дома меня встретили два амбала с вполне очевидными намерениями. Ну, два — не десять, сдаваться просто так я не собирался, но получив подсечку от

третьего, а потом ногами по рёбрам от всех троих, уже о драке не помышлял, а только прикрывал голову. Но видать, указание у них было не мочить, а только проучить, поэтому, попинав с минуту, амбалы отвалили, сказав на прощанье:

— Смотри, на кого хвост поднимаешь, в следующий раз так легко не отделаешься. Привет тебе от Алекса.

На этого мелкого козла мне было наплевать, но урок, преподанный мне им и его амбалами, я усвоил. Главное, понял я, не в силе и не в образовании, вон у моих родителей его выше головы, а в деньгах. Неприятно, конечно, Павка Корчагин, наверное, схватился бы за маузер, но надо смотреть реальности в глаза. Всё в этом мире решают деньги, Не баксы, бабло и лавэ — это для мелкой шушеры, предел мечтаний которых иномарка и дебош в дорогом ресторане, а деньги, можно даже сказать, Деньги с большой буквы. Значит, нужно жить так, чтобы они у тебя были. Об этом я и стал думать.

Первым делом бросил к чёрту институт. Диплом приличного института плюс к папиным деньгам — смысл есть. Диплом без денег — посмотри на своих родителей. Что искать — я приблизительно понимал, где искать — неизвестно. Попробовал разного: агентом по страхованию, по продаже недвижимости, продавцом на рынке,

работягой в автосервисе — всё не то. Мало того, что деньги несерьёзные, так ещё и хамство начальников, а начальники для тебя — все. Могу сказать, что в первый раз в жизни по-настоящему растерялся. И в такой вот момент встретил Лёху.

Пил пиво у ларька на вещевом рынке в Купчино у станции метро «Звёздная». Допил, поставил бутылку к стеночке — для бомжей — и пошёл. Мимо парня в кожанке и австралийской широкополой шляпе, надвинутой на глаза и тоже с бутылкой в руке. Когда был в шаге от него, он выставил вперёд ногу, типа как бы подножку. Я поднял на него глаза, а он поднял шляпу. — Лёха! В Афгане мы служили вместо только полгода, правда, на войне полгода — срок немаленький. Я только пришёл, а он уже был «дедом», дни считал до дембеля. Не знаю, чем пришёлся ему по душе, наверное, тем, что земляк, «земеля» — тоже ленинградец. Может, чем другим, но он стал меня опекать: не раз и не два благодаря его советам я выбирался из трудных ситуаций, которых там хватало. Как-то раз я неудачно подшутил над Джемалом, угрюмым горцем из Дагестана. Тот что-то резко сказал на своём языке и отошёл.

Я не придавал этому значения, но вечером ко мне подошёл Генка, до армии живший где-то на Северном Кавказе и предупредил:

— У них твои слова считаются обидными — они такое не прощают.

На следующий день вечером за мной в уборную зашли пять человек — Джемал и его земляки. Плохо бы мне пришлось, но почти сразу за ними зашёл Лёха. Он взял меня за руку и вывел из уборной. На пороге сказал: «Это мой кореш. Кто его тронет — будет иметь дело со мной». И верно, с той поры меня никто не задевал. Я долгое время не мог понять причину Лёхиного авторитета. Тот же Генка мне объяснил, уже после Лёхиного дембеля. Оказывается, тот широко промышлял анашой. Её употребляли многие, но особенно авторитетным «дедам» Лёха поставлял её бесплатно. Так что конфликтовать с ним, «наезжать» было опасно. Когда он отбывал, мы обменялись адресами. Если бы у него был телефон, я бы, конечно, позвонил сразу, а по адресу зайти так и не собрался. Но обрадовались оба искренне, сразу взяли литровую бутылку водки и пару пива.

— В шашлычную, — предложил я.

— На хер, — сказал Лёха, — тут до моего дома десять минут.

— Похоже, что в олигархи ты не выбился, — сказал Лёха после второй, которую мы пропустили сразу после первой. Что, лень наклониться — денежки с полу поднять?

Мы сидели в его двухкомнатной квартире на кухне, уставленной какими-то бытовыми электроприборами не всегда понятного мне назначения.

— Это ты так удачно свою коммуналку обменял? — спросил я, вертя в руках навороченную японскую мобилу.

— Фуфло это, а не квартира, — сказал Лёха. Скоро продам, куплю особнячок. Присмотрел тут особнячишко в Стрельне. А, может, буду строить по своему проекту. Да ты закусывай, не тушуйся.

— Да я бы наклонился, — вернулся я к Лёхиному вопросу, да вот места такого найти не могу.

— Это ты-то? — сказал Лёха, — С твоей специальностью?

— С какой специальностью, — не понял я, — с десятью классами и долбаным Афганом? Или ты про один, к тому же не законченный, курс финансово-экономического?

— Да шёл бы твой финансово-охренический в жопу, — сказал Лёха, заев четвёртую стопку маслиной и зажевав сервелатом, — я про настоящую специальность, конкретную — снайпера.

— По голубям стрелять? — сказал я, — Это же Ленинград, тьфу ты! — Петербург. Ни лисицы,

ни куницы, на одного лося очередь из десяти желающих. Да и какой из меня охотник.

— Охотники в Сибири, — сказал Лёха, — белке в глаз стреляют или в Африке на сафари, куда нам задаром не надо. Слышал про такое слово — киллер?

— Конечно, слышал, — сказал я, — но только что-то не догоняю, ты что, мне, в убийцы предлагаешь пойти?

— Салабоном ты был, салабоном и остался, — сказал Лёха. Убийца, — это который убивает людей с подлой целью завладеть их имуществом или из ревности дурацкой. Или, как часто бывает: выпили, поругались — и за ножи или за молоток. А киллер — это профессия. Это человек, который за плату и, как правило, высокую, устраняет неприятности, грозящие солидным людям. Можно сказать, решает серьёзные проблемы. Не надо путать божий дар с яичницей. Слушай меня, пока я живой.

— Ну, нет, — сказал я. Это как-то... Решать проблемы таким способом... Нет уж, это без меня.

— Ну-ну, — сказал Лёха, — строй из себя целку. Я маленькая девочка, играю и пою. Я Брежнева не видела, но я его люблю. В Афгане ты из себя целку не строил. Стрелял, по кому скажут, и в ус не дул. Что-то не помню тебя рыдающим по этому поводу.

— В Афгане я стрелял по врагам, это другое дело. А ты предлагаешь...

— Во-первых, я тебе ещё ничего не предлагаю, до этого ещё надо дорасти, доверие заслужить. А насчёт врагов — это афганский мужик, который взялся за винтовку потому, что ты пришёл туда, куда тебя не звали — твой враг? Или те бабы с детишками, которых мы с вертушек поливали разным говном — были твоими врагами? Нет, земля, твоими врагами были те, кто тебя, дурака малолетнего, туда послал ни за хер собачий. Не ради нас с тобой и не ради афганцев этих несчастных. А для того, чтобы всему миру кулак показать, вот, мол, какие мы крутые. А что до войны — посмотри внимательней: как раз здесь, у нас, она и идёт. И не за сраные советские идеалы, от которых и вони уже не осталось, а за настоящие человеческие ценности, которые называются просто: деньги. А если точнее — Большие деньги. Вот за них и идёт настоящая война. И война это идёт не между какими-нибудь работягами или бывшими колхозниками, а между настоящими волками и тиграми, акулами и китами. И на войне этой киллеры отстреливают не слесаря Васю или сантехника Колю, а исключительно разных там ушлых мужиков, которые свои банки да концерны не горбом своим заработали, а получили в подарок от доброго дяди Бори. А потом эти подарки стали

делить да перераспределять, да так нежно, что только успевай трупы закапывать. Так что о моральных угрызениях можешь не беспокоиться: стрелять придётся исключительно по сукам, какие, придись им стрелять в тебя, и глазом бы не моргнули. Грохнули бы да пошли устриц жрать. Вот так-то.

— Ладно, Лёха, — сказал я, — можно считать, что голову мою ты убедил, но вот всё остальное...

— А я тебя и не тороплю. Просто сейчас заказ пришёл клёвый и денежный, а ты, как я понимаю, на мели. Но подождём, сколько нужно. На этот заказ охотники найдутся. Но ты, дружище, подумай. Моё мнение, что для тебя это выход. Не знаю, где ещё ты смог бы так подняться.

Вышел я от Лёхи в растерянных чувствах. С одной стороны, то, что он говорил, было довольно убедительно. Но с другой — вот так, вдруг, из законопослушного, в общем-то человека, с молоком матери впитавшего в себя тьму пусках дурацких, но крепко сидящих внутри принципов, или, скажем проще, правил — превратиться в... Господи, даже выговорить-то страшно... киллера! Нет, решил я, надо всё-таки попробовать найти другие варианты. Должны же быть, чёрт возьми, другие варианты!

ГЛАВА 3

Не буду перечислять, чем я только в следующие три месяца не занимался. Какие-то товары рекламировал, какие-то билеты распространял, диспетчером на телефоне сидел — как довольно скоро выяснилось, бесплатно: фирма разорилась и её хозяева свалили, не заплатив. Но в конце концов вариант всё-таки нашёлся. Проходя не далеко от дома мимо только-только открывшегося универсама, я увидел доску объявлений: требуются... Требовалось много чего. Некоторые должности, вроде «менеджер зала», были мне не понятны, я решил не вникать в подробности, а зашёл и у первой попавшейся женщины в симпатичной, новой, с иголки, форме спросил, к кому следует обратиться насчёт работы.

— К Владимиру Игоревичу, — сказала она, с любопытством оглядев меня, — а вы какую работу ищете?

— Пока и сам не знаю, — честно ответил я, — посмотрю, что предложат. Может, подойдёт.

— Идите в тот угол, там у него, ну, что-то вроде кабинета. Удачи, а то у нас с мужчинами плохо. — И она кокетливо улыбнулась.

Владимир Игоревич оказался представительным мужчиной не намного старше меня, весьма симпатичным, только вот глаза его

мне не понравились: холодные и такие, как будто в чём-то тебя подозревают. Подождав, когда он оторвался от телефона, я сказал:

— Я насчёт работы...

— Работники нам нужны, — отозвался он, — а что ты умеешь делать?

— Да всего понемножку. В общем, школа, армия плюс курс института. — Прибавил я себе несколько месяцев учёбы.

— А чего бросил, или выгнали?

— Жить-то надо. А стипендия, сами понимаете...

— А в армии где служил?

— В Афганистане.

— В Афганистане, — повторил он, — я афганцев уважаю. Ну что ж, подберём тебе что-нибудь попримечнее. Ты прошёл по залу, как он — производит впечатление?

Зал действительно производил впечатление, причём, сильное. В западных магазинах я не бывал, но представлял себе их именно такими. Изобилие продуктов, к тому же не просто наличие колбасы или там ветчины, а так, как здесь — тридцать-сорок сортов того и другого, десять сортов маслин — в коробках и на развес, красная и чёрная икра — тоже нескольких сортов, горы фруктов — от яблок до никогда не виданных мной ранее, даже названий их я не знал. Отделы готовых продуктов. Кулинария,

всякая химия для чистки и уборки — и всё это блестит, сверкает и пахнет, вернее, благоухает... особенно бакалея — до одурения.

— Производит, — ответил я на вопрос, — ещё как производит.

— Значит, начнём вот с чего. Продукты нам поставляют десятки фирм. Ты получишь список тех, что будут закреплены за тобой. Тебе звонят, ты встречаешь машину. Где, я тебе покажу. Проверяешь документы. Выгружать — не твоё дело, на это есть грузчики. А вот когда они выгрузят, ты будешь раскладывать эти продукты на отведённые им места. Работа не трудная, хотя, не буду скрывать, хлопотливая. И требующая внимательности. Перепутаешь места, займёшь чужие — кажется, пустяк, но начнётся такая неразбериха, что придётся возиться несколько часов. А время, как ты понимаешь — деньги.

Работа оказалась и впрямь нетрудной и действительно хлопотливой. Но если работать расторопно и не ленясь, свободного времени тоже оставалось немало. Я с интересом приглядывался и к порядку в магазине и к коллективу. А коллектив вызывал неподдельный интерес: не считая грузчиков, которые были как все грузчики, разве что одетые чисто и пили только в конце смены, остальной контингент был подобран тщательно и даже хотелось сказать — с любовью. В зале

постоянно находилось восемь-десять девушек, одетых в кокетливые фартучки поверх темно-синих платьев, заканчивающихся значительно выше колен, позволявших посетителям любоваться стройными ножками обслуживающего персонала. Пять девушек постоянно сидели за кассами, две были продавщицами в отделе кулинарии и у маленького кофейного автомата, а три свободно перемещались по залу, помогая посетителям выбрать товар и ненавязчиво рекламируя богатый ассортимент магазина. С одной из них — именно она встретила меня, когда я пришёл наниматься — я познакомился первой, и уже через десять минут мы с Ирккой, так она отрекомендовалась, были «на ты и за руку». Ирка была общительна и словоохотлива, поэтому максимум через три дня я знал всё обо всех.

— Зойка, — это вон та, чёрненькая, сейчас базарит с той бабой — девка хорошая, толковая и работает хорошо. Начальство её ценит. Её — тут надо заметить, что для обозначения интимных отношений Ирка решительно не признавала глагол «трахаться», а пользовалась тем, который и мы употребляли в армии — так вот, её е... Пётр Евгеньич, менеджер зала со шмотками. Гад ещё тот, понятное дело, женат, но к Зойке явно неровно дышит, задаривает подарками, короче, терпеть можно. Машка — вон та, в кулинарии, тоже девка

нечего. Её е... Сашка — грузчик. Дура, не могла найти кого-нибудь попримечнее.

— А вон та? — спросил я про несомненно первую в отделе красавицу, которая как раз сейчас разговаривала с менеджером зала Владимиром Игоревичем.

— А! — сказала Ирка, — разглядел. Это Настя. На неё все сразу западают. Только ты губу не раскатывай, никому ещё не обломилось.

— Её, значит, никто не е...? — употребил я любимый Иркин термин.

— Да у неё что-то не в порядке по женской части. Ей нельзя. Подробностей не знаю. Сам понимаешь, в такие дела лезть...

Через какое-то время я перезнакомился со всеми и с Настей тоже. Она действительно была необыкновенно красива. Безупречная фигура с развитыми бёдрами и высокой грудью. Длинные стройные ноги и прелестное лицо с чуть раскосыми карими глазами, обрамлённое крупными кудрями того темно-красного, почти коричневого цвета, который мне нравился больше других. Я легко болтал со всеми, но когда Настя бывала в зале, не мог отвести от неё взгляда. Она это, конечно, заметила. Как и все. Поэтому я иногда ловил на себе сочувственные взгляды девушек, а бойкая на язык Ирка прямо сказала: — Ну что ты на неё пялишься, только время теряешь. Ты посмотри,

какой цветник вокруг. Выбирай любую. Да хоть бы меня...

— Спасибо, Ирка, — сказал я, — ты, конечно, первый сорт, но у меня уже есть...

— Подумать только, — сказала Ирка, — есть ещё, оказывается верные мужчины, если, конечно, не врут... Ладно, снимаю свою кандидатуру.

С Настей я тоже время от времени разговаривал, стараясь, чтоб в моих глазах она не разглядела сочувствия, которое я испытывал почти всегда, когда с ней встречался. Через пару месяцев общения я набрался храбрости и как-то раз сказал: — Ты знаешь, у меня товарищ, мы вместе учились, так у него отец врач, ну по этим, женским болезням, все говорят — светило, на приём не попасть... Я могу с ним, ну, то есть, с Толей, поговорить, он попросит отца...

— А, вот ты о чём, — рассмеялась Настя, — ну, спасибо. Нет, честно, спасибо. Только дело в том, что у меня со здоровьем всё в порядке. Я когда пришла, ко мне сразу стал клеиться наш Владимир Игоревич. А я таких, как он, не люблю. Лощёный и... фальшивый, что ли... И спать с ним не хотела и работу терять. Такие работы сейчас на дороге не валяются. Я ноги пооббивала, пока эту нашла. Ну я и выдумала и слушок пустила. А слушок у нас пустить просто. Если понадобится — шепнёшь пару слов Ирке, и через день все всё будут знать. Только

обязательно надо сказать, что это по секрету. А секреты у неё держатся самое большое десять минут.

Наверное, после этого разговора мои взгляды на Настю сделались красноречивее, хотя я и старался это скрывать. Но однажды, когда я был свободен, а у неё был перерыв, она взяла меня за руку и отвела в маленькую подсобку, почти полностью заполненную какими-то мешками.

— Андрей, — сказала она, — мне кажется, что я тебе нравлюсь. Ты тоже мне нравишься. Если я не хотела с этим... — она кивнула в сторону зала, — это не значит, что я сделана из дерева. Просто я не хочу, с кем придётся... И я подумала, что хватит томить и тебя и себя. Здесь в мешках иногда мука, иногда сахар. Девочки называют её сахарная комната. Думаю, ты понимаешь, почему. — Откуда-то из угла она достала свёрнутую белую простынку. — Не беспокойся, она чистая.

Потом закрыла дверь на ключ, погасила свет и подошла ко мне.

Надо ли говорить, что теперь Настиных перерывов я ждал с нетерпением, а на свои выходные смотрел, как на наказание. Через некоторое время я заметил, что мой напарник, которого все называли Витёк, обслуживающий другие фирмы, частенько не только получает от них

какие-то продукты, но и сам тайком, было заметно, что он старался делать это скрытно, отправляет с ними какие-то картонные ящики. Тут не о чем было долго думать — мой напарник явно подворовывал. Не могу сказать, что я очень уж болел за процветание нашего магазина, но мне было ясно, что если пропажи продуктов обнаружатся — должен же быть в магазине какой-то учёт — то под подозрение попадём мы оба. И вовсе не факт, что он, как человек, работающий здесь дольше меня, не свалит вину с себя на меня. Несколько дней я размышлял о том, что делать. Хищения могут вскрыться в любой день, так что медлить с разоблачением Витька было опасно. Поэтому я пошёл к Владимиру Игоревичу. Чувствовал я себя прескверно. Стучать на напарника было противно. Но другого выхода я не видел.

— Молодец, Андрей, — сказал Владимир Игоревич, — мне и самому казалось, что там не всё в порядке. Работай спокойно. Меры я приму. — Не знаю, что он имел в виду под мерами, но всё продолжалось по-прежнему. — В конце концов, — решил я, — я предупредил, а дальше дело не моё. И выкинул это из головы.

Спустя неделю, когда я пришёл на работу, как всегда, раньше на двадцать минут, магазин гудел, как растревоженный улей.

— В чём дело? — схватил я за локоть пробежавшую мимо Ирку.

— Телевизор вчера не смотрел? — Нашего хозяина убили.

— Как? Что, действительно убили? Насмерть?

— Нет, на время, — огрызнулась Ирка. — Около дома вышел из машины, а в него из пистолета — бабах!

— И не во дворе, а в парадном, — вмешалась в разговор Люба, симпатичная маленькая блондинка, работавшая кассиршей. — Дали ломом по голове и всё, много ли человеку надо... Он, к тому же, и вообще был больной.

Хозяина я видел один раз, когда он с женой зашёл к нам в магазин. Так, как его встречали, я видел только по телевизору, когда встречали особ королевской крови. Владимир Игоревич согнулся так, что стал даже меньше хозяина, не отличавшегося высоким ростом. А его жена смотрела на окружающих так, как обычно смотрят на неодушевлённые предметы, к тому же, не вызывающие интереса. Несомненно, в своём кругу она считалась красавицей. Она и была красоткой — из тех, кого показывают по телевизору на тусовках богемно-финансовых воротил. При этом если бы её и других спутниц этих мужчин поставить в ряд, не знаю, отличили бы они своих от других, настолько

эти красотки были «типовыми», как будто сошли с одного конвейера. Разве что по платьям.

— Ой, девочки, — сказала подошедшая Вера, тоже, как и Люба, кассирша. — Как бы нам теперь работу не потерять...

— С чего это? — сказала Ирка, — не магазин же взорвали, а хозяина. С магазином всё в порядке, значит и хозяин найдётся. Бесхозным не останется.

— А за что его, интересно? — снова вмешалась Люба, — он же такой тихий был. Помните, иногда приходил, ни на кого не кричал. Всем «вы» говорил.

— Да за что их всех убивают, — опять затараторили Ирка, — за собственность. Чтоб их денежки себе прибрать.

— Значит, кто-то его заказал. Интересно всё-таки, кто? — продолжила Люба. Ну, застрелил, понятно, киллер, ну, это кто стреляет. А вот кто заказ ему сделал?

— А вот кто у нас новым хозяином станет, тот, скорее всего, заказ и сделал, — не то шутя, не то серьёзно сказала Зоя. — Ладно, девочки, пора по местам, а то от начальства получим. Месяца через полтора менеджер нашего зала Владимир Игоревич ушёл куда-то на повышение, а на его месте я обнаружил... своего бывшего напарника Витька.

— Чего глаза вылупил, — спросил он. Изумление, наверное, отчётливо читалось на моём

лице. — Привыкай к новому начальству. Сервелат с «Факела» привезли?

— Привезли.

— А бекон?

— Бекон, сказали, завтра.

— А обещали сегодня, бляди. Ну, я им щас хвоста накручу.

Он взялся за телефон, а я пошёл на своё место.

— Не могу понять, сказал я Насте, которой ещё раньше рассказал про своего напарника и разговор с Владимиром Игоревичем. — Сказал, приму меры. Ему что, наплевать, воруют у него в зале или нет? Витька на своё место — это ведь как козла в огород.

— Ну, с новой зарплатой он по мелочам воровать не станет, — сказала Настя, — так что в его назначении смысл есть. А вот хозяина мне, в отличие от наших девчонок, ни капельки не жалко. Ты не знаешь, он этот магазин точно так же получил. У его фифы был другой муж, богатый и старый. Все тогда говорили, что наш его заказал, а потом женился на наследнице. Меня от них от всех воротит. Я даже киллеров лучше понимаю: наёмные работники. На грязной, конечно, работе, но настоящие убийцы — это те, кто их нанимает. Вот где самая грязь.

А ещё через пару месяцев в магазине появился Владимир Игоревич, причём, появился в новом качестве — хозяина нашего универсама.

— Он, я думаю, нашего хозяина-то и заказал, — шепнула всезнающая Ирка, — и шлёпнул его не иначе как наш Витёк, за это и получил место. Я когда только пришла в магазин работать, был грех — с Владимиром Игоревичем месяца два прое... Он мне тогда и рассказал, что, когда работал в милиции, прихватил Витька не то на наркоте, не то на чём-то ещё — на чём, не помню. Ну, и взял его на крючок. С тех пор Витёк у него как шестёрка.

— Да будет тебе, — сказала оказавшаяся рядом Маша, — получается, что наш Витёк убийца?

— Да ты на рожу его посмотри: такой убьёт и фамилии не спросит. Это у тебя все ангелы, начиная с твоего Сашки-грузчика.

— А чем он плох? — обиделась Маша, — тем, что грузчик?

— Девочки, по местам, — вмешалась всегда серьёзная Зоя. — Вон, Витёк уже в нашу сторону смотрит.

Не знаю, чья это была идея — самого Витька или нового хозяина, но я почувствовал, что из магазина меня начинают выживать. То Витёк устроит разнос за что-нибудь, в чём я не виноват, то окажется, что я продукты не так расставил, хотя я

был твёрдо уверен, что накануне они стояли на своих законных местах. Короче, стало мне ясно, что надо уходить самому, иначе всё равно выгонят. Что я и сделал.

С Настей мы встретились ещё несколько раз. Пару раз ей оставила ключи подруга, один раз мои укатили к каким-то знакомым на дачу с ночёвкой. Однажды мы с ней шатались по городу, сначала побродили по набережным, потом перешли Марсово Поле, зашли в сад с обратной стороны Русского Музея. Утоптались страшно, на Невском я предложил ей зайти в кафе «Север», где пару раз бывал ещё до армии. Когда нам подали меню, я помертвел и должно быть, покраснел, как рак: цены были такие, что об ужине не могло быть и речи. Настя, видимо, всё поняла, потому что быстро сказала: — Есть не хочу, только кофе и, может быть, мороженое. — И расстегнула свою сумочку.

— Ну-ну! — наигранно бодро сказал я, — Гусары денег с женщин... — и замолчал, устыдившись явной пошлости. На кофе с мороженым денег, что у меня были с собой, хватило, но хватило в обрез. Я понимал, что ничего унижительного в той ситуации, в общем-то, не было, но после этого случая мне почему-то стало неудобно, вроде как стыдно встречаться с Настей, и наша связь понемногу сошла на нет.

Найти новую работу оказалось непросто. Тем более, что я весьма избаловался на прежней. Ни в грузчики, ни продавцом в киоск мне не хотелось. Случалось, что-то предлагали, но всё это было не то. Нарвавшись в нескольких приличных местах на отказ, я всё чаще стал вспоминать Лёхино предложение. Только вспоминать... Последней каплей, изменившей мою жизнь, стал довольно мелкий, на любой взгляд, случай. Устав от беготни по офисам, конторам и объявлениям, я решил отдохнуть, как крутой мэн, так сказать, оттянуться по полной программе. Благо, деньги, заработанные в магазине, плюс выходное пособие позволяли посетить что-нибудь не рядовое, например, ночной клуб. Вечером я приоделся и, не мудрствуя лукаво, направился к ближайшему к дому ночному клубу. Подошёл к одиннадцати вечера, смотрю, реклама гоняет по фасаду тысячу огоньков, музыка гремит, за квартал слышно, у входа иномарок, как сельдей. У двери, как положено, качок.

— Ты, — спрашивает, — куда?

— Не видишь, — говорю, — сюда.

Оглядывает он меня так
внимательно-презрительно:

— А по-моему, — говорит, — парень, ты ошибся адресом, тебе, я думаю, не сюда.

Тут открывается дверь и выходит молодой, весь лощёный, в смокинге и бабочке — сразу понятно, что здешний администратор.

— Погоди, Толик, — говорит качку, — я сейчас разберусь.

Подходит ко мне и тихо спрашивает:

— Клиента ищешь?

— Какого, — говорю, клиента?

— Не строй из себя дурочку, — говорит лощёный, — очком зарабатываешь?

— Да за кого ты меня... — говорю, — ты чего?...

— Ладно, — говорит смокинг и охраннику:

— Толик, объясни...

— Слушай сюда, — говорит довольный Толик, — сейчас обойдёшь здание слева, там есть вход, человек пять уже наверное собрались, ждут. Ты их узнаешь по прикиду. Как у тебя, с того же турецкого базара.

— Чего ждут? — спрашиваю я тупо.

— Ждут, когда им вынесут опивки, что остаются от гостей. Иногда на рыло грамм по триста выходит. Эти люди бомжами называются. Тебе, я думаю, как раз туда, к ним.

Вот так. На жопомордого Толика я не обиделся: какой смысл обижаться на быдло. Но там и тогда я понял одну важную вещь. Не то я делаю,

не по той дороге иду. Значит, надо менять и походку и дорожку.

На следующий день я пошёл к Лёхе.

ГЛАВА 4

— Молоток, — сказал Лёха. Я и не сомневался, что ты придёшь. Парень ты с головой, понял, что другого пути нет. Теперь поговорим серьёзно.

Есть хороший заказ. Хороший, значит, несложный. Для такого профессионала, как ты, плёвое дело. Но сначала несколько слов о самой работе, о её, так сказать, специфике. Во-первых, работа эта ответственная, значит, ни ошибок, ни халтуры не допускает. Во-вторых, требует дисциплинированности: ни бюллетеней, ни выходных, не согласованных с кем надо. Хотя времени свободного у тебя будет хоть жопой ешь. И на Канарах наотдыхаешься и на Мальдивах. На Крымы там всякие да Рижские взморья будешь с самолёта поплёвывать. Но до того, чтобы всё сказанное относилось к тебе, надо, брат, ещё дорасти. В общем, главное я тебе объяснил, подробности через два дня. Сегодня понедельник, жду тебя в четверг в это же время, а пока можем пропустить по соточке, а то и по две, не перед работой, можно.

— А кто, — спросил я, — ну, этот... ну, которого надо...

— В смысле, красивый или урод, молодой или старый, грузин или молдаванин? Вопрос — и ты это хорошо усвой — непрофессиональный. То есть, не твоё это дело — знать ненужные подробности. Через два дня получишь фотографию и исчерпывающие инструкции. На первый раз могу сказать — только на первый раз — что человечиска это мелкий, на морду и вообще противный, и хотя мелкий, но мешает людям крупным и по-крупному. Такого замочить — одно удовольствие, а за это ещё пять штук платят. Естественно, гринов.

Чувствовал я себя, прямо скажем, неважно, но, приняв деловой вид, сказал: — Пять штук? Я думал, эта работа оплачивается лучше. Ну, вообще-то семь, — сказал Лёха, — но две мои как посредника. Тут оплата как на охоте: за зайца трёшка, за медведя — стольник. А твой даже на волка не тянет — максимум шакал.

Через два дня я получал первые в своей жизни инструкции по новой профессии. Несколько фотографий: самого типа, подъезд его дома и дома напротив.

— Войдёшь в первый подъезд, — инструктировал Лёха, — чердаком пройдёшь до второго — всё будет открыто, у окна уже будет

лежать знакомая тебе СВД, сегодня уже есть инструмент получше, но тебе, для первого раза такая, к какой ты привык. Работаешь в перчатках, оружие оставляешь на месте и уходишь так же — через первый подъезд. Этот хмырь выходит из дома всегда в восемь тридцать. Время удобное: кто работает — уже ушли, кто не работает — ещё спят. Всё учтено, но на всякий случай, осматривайся. Если кто из соседей выглядывает — лучше уходи, будет и следующий раз. В любом случае не нервничай. Оденься попроще, в какие-нибудь турецкие шмотки, которые сейчас носят девять из десяти. У хмыря один охранник, получает мало, так что за шефа бросаться на амбразуру не будет. При твоей квалификации работа плёвая. Через два дня после выполнения придёшь за деньгами. И хмыкнул: обмоем твою целку.

Лёха оказался прав: работу я выполнил легко и даже сам себе удивился: никаких особых переживаний не испытал. Что-то такое неприятное почувствовал, но не так чтобы очень: Афган приучил, какой-то порог был, по-видимому, перейдён. Наверное, всё-таки вру: когда устраивался у окошка, поудобнее расставлял ноги и проверял, хорошо ли направлен ствол, действительно не волновался. Но когда пошли последние минуты, а время выхода «клиента» я знал твёрдо, — что-то в душе стало подрагивать. И

когда в перекрестье прицела появилось человеческое — человеческое! — лицо, одно мгновение я уже готов был отказаться от заказа и только страшным напряжением воли вернул себе решимость. Технически задание было выполнено на отлично: «клиент» получил пулю в лоб ровно над переносицей, здесь претензий ко мне быть не могло. Выбравшись из дома в соответствие с инструкцией, я пробродил ещё пару часов по улицам, потом зашёл в дешёвый бар и накирлялся. Дома залёг в койку и проспал часов десять без сновидений. Насчёт сновидений, как выяснилось через несколько часов, днём, я ошибся. Переходя Неву по Кировскому мосту, случайно обратил внимание на какой-то неказистый катерок — и вдруг вспомнил приснившийся ночью сон, про который, оказывается, начисто забыл. Снился мне Афган. Там я и кто-то ещё, наверное, кто-то из наших солдат, плыли по реке на большом теплоходе. Реки в Афганистане, как у нас на Кавказе — узкие и быстрые, но это была большая и медленная, если можно так сказать, — что-то вроде нашей Невы. Я стою у борта, а у другого стоит пара — мужчина и женщина. Их я вижу только сзади. Мужчина одет как афганец, он в их типичной шапочке, напоминающей раздвоенный блин и почему-то в длинном чёрном плаще. Женщина одета по европейски. Они явно ссорятся, точнее,

мужчина что-то резко выговаривает своей спутнице, и, наконец, хватает её и начинает сталкивать её в воду. Я сначала, как замороженный, смотрю на это, потом подскакиваю к ним и пытаюсь оттащить мужика от женщины. Это мне не удаётся, и женщина с лёгким криком падает в воду. Падает и тут же исчезает. После этого мужчина поворачивается ко мне, сбрасывает свой плащ, и я вижу, что он одет в советскую форму, и, даже более того, узнаю в нём офицера нашей части майора Шукина. — «Ты что это?!» — кричит на меня Шукин, вытаскивает из кобуры пистолет и направляет на меня. Я в страхе начинаю пятиться назад, к другому борту, но, почему-то не встретив спиной ограждения, с большой высоты падаю в воду. Падаю — и просыпаюсь. Утром я сон не помнил, но тут вдруг... Поразмыслив, определил его как странный, ничем с моей теперешней жизнью не связанный, и тут же выкинул его из головы.

Через день я получил у Лёхи деньги, обменял два стольника для родителей, хотел больше, да побоялся их испугать слишком крупной суммой, снял через каких-то риэлтеров однокомнатную квартиру и в тот же день перебрался. Родителям сказал, что устроился в коммерческую фирму охранником и должен жить по месту работы.

— Не о такой карьере для тебя мы с отцом мечтали, — сказала мама, — ну да что делать, сейчас у вас, молодых, всё не так, делай, как знаешь, тебе виднее.

Так началась моя новая жизнь. Жизнь киллера.

ГЛАВА 5

Второй заказ я выполнил легко, хотя он был посложнее первого: на этот раз пришлось самому выбрать точку выстрела, с чем я справился без труда, всё же армейский опыт не прошёл даром. «Клиент» был солидней первого, это было видно и по фотографии и по всему облику, который я, правда, наблюдал всего секунд десять. Кто он? — я уже вопросов не задавал, а получив, как обычно, через день, деньги — на сей раз семь штук (всего десять, — понял я, — три Лёхе), хватил триста водки в уже знакомом баре и взяв на углу Невского и Восстания проститутку, вернулся домой. Постоянной девушки, как я уже говорил, у меня не было, да и заводить её я не собирался. Проститутки меня устраивали тем, что не задавали вопросов и вообще не надоедали. Добросовестно делали свою работу и уходили, когда их об этом просили.

Без особого удивления я отметил, что неприятное ощущение, которое я испытал после

первого раза, хотя и почувствовалось, но уже значительно меньше: можно, стало быть, привыкнуть и к такой, не вполне всё же обычной, работе.

После второго заказа я гулял месяц. Шатался, от нечего делать, по вещевым рынкам, хотя ничего там уже не покупал, пил пиво в барах, иногда ходил в кино. И однажды, выйдя после последнего сеанса с немногими в такое время зрителями, увидел впереди двух парней, которые вырвали у какой-то девушки довольно большую хозяйственную сумку. Парни были на вид невзрачные, поэтому я без колебаний подошёл и сказал спокойно, но, как мне казалось, веско:

— Ну-ка, орлы, взяли ноги в руки и ходу!

— Да ты на кого... — начал один, но получив удар в солнечное сплетение, сложился пополам. Второй, не стал дожидаться продолжения и пустился наутёк.

Девушка стояла бледная, губы у неё дрожали, но она всё же выговорила:

— Спасибо. Не знаю, как бы я без вас...

— Успокойтесь, — сказал я, — дайте сумку, я вас провожу. Взял сумку и мы пошли. Люда, — по дороге мы познакомились — жила недалеко, но, подходя к её дому, я понял, что рано потерял бдительность: следом за нами, стараясь держаться в тени, двигались четыре фигуры. Четыре, это уже

перебор, подумал я, но не показал виду. Людина сумка была тяжёлой, поэтому я проводил её до дверей и с удовольствием принял предложение выпить чая. Через час, убирая со стола чашки и вазочку с вареньем, она, глядя в сторону, сказала:

— Оставайтесь, там их четверо, куда вам одному... — и покраснела.

Так у меня появилась постоянная девушка. Люда работала лаборанткой в каком-то издыхающем НИИ, куда устроилась на полставки, будучи студенткой вечернего отделения Технологического университета. Учёбу бросила после второго курса, потому что один за другим умерли родители, а лаборантской полставки на жизнь, даже самую скромную, не хватало. Красавицей её назвать было нельзя, но нежная кожа, зелёные, всегда как бы чуть удивлённые, глаза и пышные, чуть выющиеся тёмные волосы делали её необыкновенно привлекательной, а фигура, которую я смог оценить в ночь нашего знакомства, была выше всяких похвал. Немногословная, она коротко рассказала о себе, вопросов почти не задавала и мою версию о работе в охранном агентстве восприняла, как нечто само собою разумеющееся: смелый заступник и должен был заниматься чем-то вроде этого.

На второй месяц нашего знакомства я спросил её ночью:

— Ты предохраняешься? Может быть, мне следует...

Не дослушав, она сказала: — Не предохраняюсь. И тебе не нужно. У меня детей не может быть.

И отвернулась к стене. Через какое-то время, после моих настойчивых расспросов, рассказала. Жила с одним человеком. Забеременела. Аборт делать не хотела. Понимала, что ребёнка он не захочет, решила расстаться, ему даже не рассказала. Он как-то сама догадался, стал требовать, чтобы она сделала аборт, а потом, видя, что она не соглашается, подсыпал ей в чай снотворное и отвёз на квартиру к приятелю-гинекологу, где тот сделал ей аборт, да так плохо, что она уже никогда не сможет иметь детей.

— Так что и ты не беспокойся, — сказала она, и я понял, что она плачет.

Заказы шли своим чередом, деньги — немалые — капали, и однажды я повёл Люду в Невский Палас — шикарный ресторан на Невском, между Владимирской и Марата. Нам отвели столик недалеко от входной двери. Люда была весело возбуждена, выпила пару бокалов шампанского и с интересом ковыряла в тарелке какие-то диковинные морепродукты. Вдруг я заметил, что румянец на её лице сменился бледностью. Проследив за её взглядом, я увидел только что вошедшего мужчину.

Лет тридцати — тридцати пяти, хорошо и дорого одетого, с хорошей фигурой и довольно симпатичным лицом.

— Это он? — спросил я.

— Уйдём отсюда, — сказала она потухшим голосом. — Пожалуйста, расплатись и уйдём.

Мы расплатились и вышли, но я успел заметить, что метрдотель встретил его, как старого знакомого. Значит, завсегда. Это уже хорошо.

После этого вечера я повадился ходить в «Невский Палас». Садился недалеко от дверей и пару раз видел интересующего меня мужчину. Выходил раньше него и наконец засёк его машину. Зная номер, узнать фамилию и адрес было уже делом техники.

По моей просьбе Лёха достал мне (естественно, не бесплатно) «беретту» с глушителем, при этом предупредив, чтобы я не занимался самодеятельностью.

— Подведёшь себя — не страшно, а вот если подведёшь их... — он ткнул пальцем в потолок.

— Не бэ, — сказал я, вспомнив дворовый жаргон, — всё будет тип-топ.

Интересующий меня Игорь Леонидович Лапин жил на Петроградской стороне в одной из элитных новостроек. Работал нерегулярно, из дома выходил в разное время, садился в свой